

О театре в себе и себе в театре

Окончание.

Начало на 1-й странице

Ирина КОБЫЛКИНА

— Александр Михайлович, как вы пришли к такому триединству?

— О театре я мечтал всегда, — рассказывает о себе Галин, — с детства обладал сильным комическим дарованием и смешил народ до содрогания. Естественно, пытался поступить в театральный институт на актерское отделение, но многолетние попытки не привели ни к чему — подозреваю, что из-за моей характерной внешности, в которой сам я, впрочем, не усматриваю никакой ущербности.

Окончил Ленинградский институт культуры. В 24 года написал первую пьесу — «Стена». Просто так писал, чтобы позабавить жену. И думать не думал тогда, что это занятие станет моим основным делом, а она вот и по сей день идет в «Современнике».

В свое время очень помог Александр Володин, одобрявший мои пьесы и пробивший сценарий «Последнего побега» на Мосфильм. Так получился фильм, в котором сыграл Михаил Ульянов.

Вообще моя драматургическая судьба счастливая: в 27 лет написал пьесу «Ретро», и она обошла весь мир, мгновенно сделав меня знаменитым, ведь поставило ее около 200 театров.

— О чем были ваши первые пьесы?

— В молодости я писал о глубоких стариках. Вот сейчас мы в «Современнике» ставим новую редакцию моей старой пьесы «Жанна», она называется «Аккомпаниатор». За годы, конечно же, что-то переосмыслено, многое изменилось, но фундамент остался прежним, построенным на юношеских догадках.

— Вы пишете пьесы, сами ставите и даже играете в них. Это оттого, что боитесь потерять какую-то целостность своего замысла?

— Может быть, но только отчасти. Просто это мне интересно. Актер я вообще молодой, а вот ставить свои произведения мне приходилось. Впервые это случилось в Театре Олега Табакова — спектакль «Дыра». Затем была «Восточная трибуна» в Италии с молодыми итальянскими актерами и «Титул» там же, но с русскими актерами и великой Чуриковой. Играли его мы в естественных декорациях — в старинном итальянском замке.

Ставил пьесу «Группа» в Америке. Вообще мне здорово везло — мои пьесы играли во множестве театров, с ними работали выдающиеся режиссеры. А Галина Волчек поверила в меня во второй раз и благословила еще на один режиссерский эксперимент на такой дорогой для меня сцене «Современника».

— И никогда не приходилось писать «в корзину»?

— Есть еще непоставленные пьесы. Не потому, что ими никто не хочет заниматься. Просто для определенной работы должна сложиться определенная команда. «Стену», например, смог осилить только Роман Виктюк. А «Чешское фото» мы сделали с Калягиным и Караченцовым.

— Вы пишете что-нибудь под определенного актера?

— За примером далеко ходить не надо: в мае в «Современнике» премьера «Аккомпаниатора». Эта работа для Валентина Гафта.

О нем вообще отдельный разговор. Это красивый, мужественный человек, поэт, в плане бытовом не умеющий обустроить свою жизнь, но фантастически одаренный и при этом удивительно обаятельный. Мы задумали вместе поставить «Аккомпаниатора», а он вдруг попадает в больницу — какая уж тут работа?! Но на другой же день после операции звонит и говорит: «Саша, мы с тобой

Александр Галин — драматург, режиссер и актер

сделаем все». Меня это потрясло. Я бросил все дела и целый месяц с утра до ночи сидел над его ролью.

— А кто из наших актеров смог бы войти в вашу команду?

— Я работаю с выдающимися актерами, которых уже перечислил: с Чуриковой, Караченцовым, Калягиным, Гафтом. Большая удача — встреча с Аллой Покровской. Она громадная, редкая актриса! Декорации к «Аккомпаниатору» сделал великий Давид Боровский.

— Это все имена известные, а среди молодых есть какие-то открытия?

— Да, в «Аккомпаниаторе», например, рядом с Людмилой Ивановой, Ниной Дорошиной, Лилией Толмачевой — молодые Разуваев и Феоктистов. И в «Аномалии» играет талантливая молодежь.

А вообще актер хороший и знаменитый — это не одно и то же, как, впрочем, и режиссер, и драматург. В нашей стране живет гений — Алексей Герман. Он прокладывает абсолютный новый язык в кинематографе. У него масса подражателей, преуспевающих только потому, что умело проводят в жизнь его идеи. А актер не может проявить себя в посредственной пьесе — он может раскрыться только в сильной вещи.

— Александр Михайлович, театр до 90-х и театр нынешний — разные?

— Нет. Обеднел только очень. Драматический театр вообще беден во всем мире, актеры вынуждены подрабатывать на жизнь в рекламе и другими способами.

— А чувства зрителя?

— И зрителя тоже. Просто раньше «масштабность» советского человека определялась количеством принадлежавшей ему власти, а теперь — количеством денег.

— Вы хотите сказать, что человек, озабоченный добытванием куска насущного, и человек, сколачивающий немалые капиталы, имеют одни представления о человеческих ценностях, испытывают одни чувства?

— В театре — да. Здесь ведь раскрываются их души, вне зависимости от положения материального и положения во власти.

Наш театр не знал спада зрительского интереса, когда в магазинах не было колбасы. Потому что, кроме нее, было у людей и другое, что нельзя потрогать руками. Оно было, есть и будет всегда.

А у людей, обремененных большой властью, порой судьбы-то трагичные. Разве не навевают воспоминания о короле Лире фигуры тех, кто сейчас на виду? Что останется у них после всеобщего внимания?

— Александр Михайлович, вы много пишете, много работаете в театре. После трудов праведных умеете ли отдохнуть?

— На отдых много времени нет, но есть любимая семья — жена и сын, и еще есть страсть, вторая после театра, — это футбол. Играю. Это отдушина потрясающая и тоже, кстати, пробуждающая очень сильные чувства.

«Театральные вечера «Вечерки»

О театре в себе и себе в театре

Ирина КОБЫЛКИНА

25 апреля начинается работу ставший уже традиционным VIII благотворительный фестиваль «Театральные вечера «Вечерки». Представлять его нашим постоянным читателям нет необходимости. По опыту прошлых лет они знают, что ведущие московские театры предлагают его гостям лучшие свои спектакли. В этот раз фестиваль открывает «Современник» пьесой «Аномалия» Александра Галина, где сам он один в трех лицах — драматург, режиссер и исполнитель главной роли.

Окончание на 6-й странице